

История несуществующего памятника (строительство памятника в честь 300-летия Дома Романовых в г. Костроме)

В 1903 г. в костромской городской думе решался вопрос о будущем праздновании 300-летия царствующей династии, в котором Кострома должна была принять особое участие. Думцы сочли, что самым удачным было бы сооружение памятника на берегу Волги, на месте бывшего кремля, где в 17 веке находился осадный двор бояр Романовых. Предложение костромичей было одобрено великим князем Сергеем Александровичем, который намеревался сообщить об этом императору. По какой-то причине сразу доклад не состоялся, затем началась Русско-Японская война, революция. Вопрос о постройке памятника в Костроме был отложен.

В начале 1909 г. костромской губернатор А.П. Веретенников обратился к министру внутренних дел статс-секретарю П.А. Столыпину, который и сделал Всеподданнейший доклад о предполагаемом памятнике¹. Николаю II идея понравилась.

Вскоре из губернаторской канцелярии были разсланы письма, в которых сообщалось о высочайшем позволении открыть всероссийскую подписку по сбору средств на сооружение памятника «в ознаменование наступающего в 1913 г. 300-летия царствования дома Романовых» и создать «Образованный высочайшим соизволением Особый комитет по сбору пожертвований на сооружение в г. Костроме памятника в ознаменование трехсотлетия Царствования Дома Романовых», который бы руководил денежными сборами. Председателем комитета становился губернатор, а членов предлагалось выбрать губернскому дворянскому собранию, костромской городской думе, Костромской губернской ученой архивной комиссии, духовенству. Приглашения о членстве направлены были также

---

¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 31.

сельскому старосте белопащев села Коробова П.Н. Соловьеву и костромскому вице-губернатору А.Н. Оболенскому.

Епископ Костромской и Галичский Тихон отвечал губернатору: «(...) В занятиях Особого комитета по сооружению в городе Костроме памятника (...) я намереваюсь участвовать сам лично. Призывая на Вас Божие благословение, с совершенным почтением и преданностью»².

В марте 1909 г. было созвано чрезвычайное губернское земское собрание для избрания в состав комитета представителей земства³.

Первый состав комитета был таков: председатель – костромской губернатор генерал-майор А.П. Веретенников; епископ Костромской и Галичский Тихон, костромской губернский предводитель дворянства М.Н. Зузин, костромской вице-губернатор князь А.Н. Оболенский, костромской уездный предводитель дворянства И.С. Иванов, представители от костромского дворянства А.М. Григоров и В.А. Потехин, представители костромского губернского земства Б.Н. Зузин (председатель губернской земской управы) и С.Ф. Грибунин (юрьевецкий уездный предводитель дворянства), костромского уездного земства Г.П. Ротаст и А.Д. Разсадин, костромской городской голова Г.Н. Ботников, представители от г. Костромы Л.П. Скворцов (избранный секретарем комитета) и И.М. Чумаков, представитель Костромской губернской ученой архивной комиссии Н.Н. Шамонин и сельский староста села Коробова Б.Н. Соловьев. Казначеем избран И.М. Чумаков⁴.

На заседании комитета, состоявшемся 9 мая 1909 г., обсуждался вопрос о месте расположения памятника (вопрос этот будет поднят еще не раз). Среди наиболее предпочтительных названы были Сусанинская площадь и стрелка при слиянии рек Волги и Костромы возле Ипатьевского монастыря.

Предполагалось, что деньги на памятник будут собраны всенародно. Весной из Департамента общих дел МВД вышел циркуляр господам

---

² ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 4.

³ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л.11.

⁴ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 36

губернаторам о высочайшем разрешении сбора средств на памятник в Костроме и «о беспрепятственном приеме казначействами могущих поступить на означенный предмет пожертвований»⁵.

С апреля 1909 г. в Кострому стали поступать уведомления о желании принять участие в конкурсе по составлению проекта памятника. Одним из первых в комитет обратился архитектор Васильев из Симферополя⁶.

На мартовском заседании городской думы губернатор Веретенников сообщил о выборе Особым комитетом места размещения памятника: Сусанинская площадь – «лучшее место в городе и потому наиболее соответствует высокому значению события». Члены комитета предполагали, что стоя на центральной площади, памятник будет виден по радиальным улицам «со всех концов города»⁷.

Но более практичные думцы решили, что Сусанинская площадь неподходящее место – здесь уже установлены памятник Михаилу Романову и Ивану Сусанину «за Царя, спасителя веры и Царства, живот свой положившему», часовня в Память императора Александра II, рядом – сквер. Кроме того, на площади периодически устраивались ярмарки, которые приносили городу доход, поэтому, лучше всего памятник поставить на соборной площади.

Позже городская дума выразила готовность выделить для строительства памятника любое место, выбранное комитетом, но «окончательный выбор будет делать ни дума, ни комитет – этот вопрос решат художники и утвердит государь-император». Привлеченные в качестве экспертов историк Иван Егорович Забелин и художник Виктор Михайлович Васнецов выбрали площадь близ Успенского кафедрального собора⁸.

2 июля 1910 г. в заседании особого комитета приняли участие приглашенные художники Александр Михайлович Опекушин, Леонтий Николаевич Бенуа, Григорий Иванович Котов и Владимир Николаевич

---

⁵ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л.14

⁶ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л.18

⁷ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 21

⁸ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 43 об.–44.

Беклемишев. Решено было поставить памятник «по оси Нижне-Набережной улицы на валу, причем местность кругом памятника предположено обратить в сквер»⁹. В.Васнецов своим письмом присоединился к мнению коллег и членов комитета¹⁰. Спустя довольно продолжительное время комитет обратился в Костромскую городскую думу с просьбой о безвозмездной передаче ему городской земли.

Тем временем начали поступать первые денежные пожертвования, сначала от костромичей: В.А. и А.А. Зотовых, Н.К. Кашина, И.М. и М.М. Чумаковых, И.Я. Аристова, А.В. Королева и Г.Н. Ботникова¹¹.

Какое-то время не всем было ясно, чем должен заниматься образованный комитет – только ли сбором пожертвований или всем делом устройства памятника. Этот вопрос возникал даже у членов комитета, которых приглашали то на заседание Комитета по сооружению памятника, то на заседание Особого комитета по сбору пожертвований¹². За разъяснениями губернатор, он же председатель комитета даже обратился к директору Департамента общих дел.

9 июня 1909 г. была утверждена окончательная форма воззвания и подписного листа для сбора денег. Вот фрагмент его: «14 марта 1913 г. исполняется три столетия с тех пор, когда в Российском государстве совершилось величайшее событие. В воскресенье четвертой недели великого поста 14 марта 1613 г. в Костроме в древнем Ипатьевском монастыре, благословляемый древнейшей костромской святыней, иконой Феодоровской Богоматери, вошел на Всероссийский престол Михаил Феодорович Романов, родоначальник благополучно царствующего государя императора Николая II Александровича. (...) Пожертвования принимаются во всех местных Казначействах»¹³.

---

⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 12, л. 10.

¹⁰ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 23.

¹¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 22.

¹² ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 25.

¹³ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 11, л. 5.

К осени было разослано 15 000 подписных листов¹⁴.

Неоднократно комитетом обсуждался вопрос о том, какого рода памятник должен быть? Высказывались различные мнения: одни хотели видеть памятник – монумент, другие – храм, третьи считали, что памятником может стать университет или учительская семинария, например. Не придя к единому мнению члены комитета просили министра внутренних дел передать решение на усмотрение государя императора¹⁵. Министр не считал возможным сделать это, считая, что члены комитета должны сами решить столь важный вопрос. 22 ноября 1909 г. после вторичного обсуждения было проведено голосование. Девять голосов было подано за памятник-монумент, шесть – против¹⁶.

К февралю 1910 г. с помощью всероссийской подписки было собрано 45 тысяч рублей¹⁷. По специальному распоряжению директора Санкт-петербургской конторы Государственного банка в Кострому были направлены четырехпроцентные банковские билеты государственного казначейства на сумму 200 тысяч рублей. В этих билетах предполагалось разместить капиталы комитета, которые уже поступили на счет или должны были поступить. К маю сумма пожертвований возросла до 70 тысяч. Деньги поступали из учреждений Астраханской, Курской, Херсонской, Тульской, Вятской и других губерний, Царства Польского. Костромской губернатор П.П. Шиловский сообщал председателю петербургского комитета для устройства празднования 300-летия царствования Дома Романовых А.Г. Булыгину: «собранные 70 тысяч образовались, главным образом, из поступлений мелких, но весьма многочисленных. Ослабевания потока пожертвований отнюдь не намечается»¹⁸.

К сентябрю 1910 г. было собрано 130 тысяч рублей.

---

¹⁴ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 36 об.

¹⁵ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 36 об.

¹⁶ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 39

¹⁷ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 59

¹⁸ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 67

В конце 1910 г. был открыт конкурс на создание проекта памятника и назначены 3 премии: 2000 за первое, 1500 и 1000 рублей за второе и третье места соответственно. Среди условий были такие: «1. В конкурсе могут участвовать только русские художники. 2. Памятник будет поставлен в г.Костроме на берегу Волги (...). 3. Памятник должен достойно ознаменовать 300-летие царствования Дома Романовых (...) будь это скульптурное или архитектурное произведение. (...) Проекты как в моделях, так и в рисунках должны быть представлены в Манеж рядом с Первым Кадетским корпусом (СПб, Университетская набережная, д. 13) 26 сентября 1911 г. к 3 часам дня»¹⁹.

В ноябре 1911 г. проекты были предложены рассмотрению смешанной комиссии при Академии художеств. Представленные работы разочаровали и костромичей, и специалистов. Шиловский писал, что «конкурентами являлись или мало известные соискатели, или художники лишь начинающие подавать надежды». Работа, награжденная первой премией (автор Сологуб) совершенно не понравилась костромским представителям, среди которых был губернатор, городской голова член Государственной думы Г.Н.Ботников и доктор Л. Скворцов. По мнению губернатора проект, благосклонно принятый художниками, был «лишен всякого талантливомго замысла и художественной внешности, представляет собой нечто подобное фабричной трубе²⁰». Третий проект «весьма скромный по замыслу и исполнению» (автор Курпатов). Проект, получивший вторую премию понравился костромичам гораздо больше, несмотря (или благодаря) на «слишком большую сложность». Автор проекта, академик А.И. Адамсон, был приглашен в Кострому, куда перевезли и все три проекта памятника. Окончательное решение должны были вынести жители города и губернии путем голосования.

Адамсон Амандус Генрих (или Аммон Иванович) (31.10(12.11).1855, хутор Ууга-Рятсена, близ Палдиски, – 26.6.1929, Палдиски (Эстония)) учился в Петербургской

¹⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 34.

²⁰ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 76 об.

Академии художеств (1874–1879). С 1907 г. – академик Петербургской Академии художеств. Наиболее известны его работы: памятник погибшим морякам броненосца «Русалка» (1902 г., Таллин), памятник затопленным кораблям Черноморской эскадры во время Крымской войны (Севастополь) и др.

В ноябре 1911 г. Шиловский сообщал, что на выставке в зале костромского дворянского собрания «проект Адамсона был постоянно окружен густой толпой посетителей, обсуждавших детали исполнения, вспоминая исторические события». Две другие модели были лишены такого пристального внимания²¹. В особых кружках для голосования билетов, поданных за памятник, получивший вторую премию, оказалось в несколько раз больше, чем за другие: 858 голосов из 1131. 8 ноября члены комитета подавляющим большинством голосов высказались за проект Адамсона, который, однако, предлагалось доработать. Например, расширить памятник, отодвинув от центра скульптуры, изображающие народности, населяющие Россию²².

В январе 1912 г. модель памятника была отправлена в Петербург «на Высочайшее рассмотрение». Поместили ее в отдельном вагоне, чтобы не поломать хрупкие детали во время упаковки. От руководства Виндавской и Николаевской железных дорог о пропуске «означенного вагона» согласие было получено²³.

Губернатор Шиловский обратился к министру внутренних дел А.А. Макарову с просьбой пригласить его в Царское Село, если император пожелает лично ознакомиться с моделью памятника, чтобы дать необходимые пояснения²⁴. Встреча Николая II с моделью памятника и с П.П.Шиловским не состоялась, более того, вновь возник вопрос – каким будет памятник?

Защищая проект Адамсона от претензий членов Академии художеств, костромской комитет в заседании 17 февраля 1912 г. так определил идею

---

²¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 78

²² ГАКО, ф. 175, оп.1, д.11, л. 29 об.

²³ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 104

²⁴ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 118

памятника: «В проекте мы видим исполненный с поразительной жизненностью длинный ряд государей и государынь из Дома Романовых. (...) но, в таком виде памятник мог бы казаться лишь воплощением идеи 300-летия царствования династии. И вот автор окружает царственные фигуры группами народностей, вошедших в состав Российского государства. Тут мы видим и малоросса, и поляка, и финна, и балтийца, и кавказца, и сибирского инородца в дружественных группах, окружающих царские изображения (...). Соединение памятника с часовней для русского набожного человека есть идеал истинно патриотического чествования великого события»²⁵. Спустя некоторое время, все-таки прислушавшись к пожеланиям членов Академии Адамсон внес исправления в модель памятника: значительно уменьшил количество фигур, в том числе были убраны бытовые группы, часовня, изменен пьедестал²⁶.

После принятия окончательного решения о том, какому памятнику предстояло быть напоминанием о вехах российской истории под скипетром Романовых, наибольшую озабоченность стала вызывать сумма, необходимая для его строительства. Первоначально предполагалось, что смета не выйдет за 300 тысяч, в декабре 1911 г. по черновым расчетам требовалось от 439 тысяч, с учетом гонорара Адамсона – до 600 тысяч. К этому времени в кассе комитета имелось свыше 250 тысяч, но дойдут ли поступления до требуемой цифры, было совершенно неизвестно. Во всяком случае, Шиловский называл расчеты «гадательными».

Комитет продолжал направлять воззвания о сборе средств, сопровождая их письмами, содержащими такие слова: «(...) На воззвание Комитета уже откликнулись десятки тысяч частных лиц и почти все общественные установления Европейской и Азиатской России»²⁷.

В апреле 1912 г. проект памятника Адамсона разбирался на заседании Петербургского Комитета для устройства празднования 300-летия Дома

---

²⁵ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 11, л.30–31.

²⁶ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 11, л. 32 об.

²⁷ ГАКО, ф. 133, б/ш, д. 1383, л. 143.

Романовых, среди членов которого царило полное несогласие. Кто-то заметил, что в памятнике не отображено покорение Кавказа, что в группе, «где великоросс пожимает руку малороссу, пропущен белорус». Другой считал, что недопустимо изображать на памятнике благополучно царствующих особ. Несколько человек высказались за более скромный памятник. Было принято решение, что проект необходимо доработать.

Узнав о разногласиях министр внутренних дел не признал возможным знакомить императора с проектом памятника, а предложил губернатору либо срочно объявить новый конкурс, либо доработать проект Адамсона, либо принять проект, одобренный Академией художеств, но отвергнутый костромичами.

Думается, что ответ Макарова поверг Шиловского в уныние, но не отчаяние. По его настоянию, академик Адамсон вновь изменил проект, в частности, сократил число фигур, убрал часовню, что уменьшило стоимость почти в половину. И, хотя полемика в прессе самого разного толка сократила приход денег, Шиловский был уверен, что, по крайней мере, сбор дойдет до 350 тысяч. Уверенный, что «формальный путь» так долог, что не позволит во время высочайшего приезда в Кострому даже «закладки кирпичей под основание памятника произвести», губернатор вновь пишет министру, настойчиво говоря: «Пусть его величество изволит самолично и окончательно своею волею разрешить сей вопрос»²⁸.

Наконец, свершилось – 30 июля 1912 г. в Кострому отправлено было сообщение: «Их императорскими величествами в 17 день сего июля высочайше одобрен переработанный академиком Адамсоном первоначальный его проект памятника 300-летия царствования Дома Романовых для сооружения в г. Костроме (...)». И подпись – генерал-адъютант барон Фредерикс²⁹.

---

²⁸ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 131.

²⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 132.

Получив известие, губернатор поспешил поделиться радостью с епископом Костромским и Галичским Тихоном и испросить его благословения. Было написано письмо обер-прокурору Святейшего Синода В.К. Саблеру с просьбой разрешить всероссийский церковный сбор средств на строительство памятника «дабы дать возможность и лицам малоимущим внести свою лепту в великое дело»³⁰. Однако, эта просьба не встретила одобрения, так как ранее уже был объявлен сбор пожертвований на сооружение в Санкт-Петербурге храма в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, что могло поселить в доброхотных дателях недоумение».

Доходность вкладов Особого комитета по сооружению в г. Костроме памятника, помещенных в 4% банковские билеты чуть было не упала, после того как Костромское отделение Государственного банка предложило обменять 4% билеты на «вновь выпускаемые 3,6% билеты Государственного казначейства». Обращение в Государственный банк – и разрешение его управляющего А. Коншина на обмен на прежних условиях. Затем – письмо начальнику Северных железных дорог В.Н. Волкову о предоставлении права бесплатного провоза бронзовых и гранитных частей памятника из С.Петербурга в Кострому. И ответ, что «с 15 ноября 1912 г. впредь до окончания перевозки, но не далее 15 ноября 1915 г. (...) части помянутого памятника будут перевозиться по казенным и Московско-Виндаво-Рыбинской железным дорогам из СПбурга в Кострому бесплатно»³¹. 5 пудов «меди – бронзы в орудиях» выделило Главное артиллерийское управление из артиллерийских учреждений Варшавского военного округа³². Материал также бесплатно был перевезен в Петербург по казенным железным дорогам.

10 августа 1912 г. был заключен договор между комитетом и скульптором. Вот выписки из договора: «1. Я академик скульптуры А.И. Адамсон обязуюсь исполнить все художественно-скульптурные работы

---

³⁰ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 143.

³¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 158.

³² ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 24, л. 4.

согласно Высочайше утвержденному проекту памятника (...) и перечисленные в договоре с фирмой Верфель; 2) Все означенные работы я обязуюсь изготовить из своего материала, своими инструментами и при помощи своих рабочих». Первую статую Адамсон обязался исполнить в ноябре, вторую – в декабре 1912 г., третью – в январе 1913 г. Остальные статуи, фигуры и барельефы должны были быть завершены в течение 3 лет с момента начала скульптурных работ³³. За свою работу академик должен был получить 128 тысяч рублей.

Фирму Верфель, как более солидную и известную в России, предпочли фирме Карла Ребекки, познакомившись со способами отливки фигур и с предложенными ценами³⁴.

Гранитная облицовка памятника поручалась акционерному обществу «Гранит», которое к 15 мая 1913 г. обязалось поставить тротуар и нижний плинт памятника³⁵. Общество находилось в Финляндии (Ганге) (входившей до 1918 г. в состав Российской империи).

Переписка между Костромой и Петербургом продолжалась. Из нее стало известно: к октябрю 1912 г. были уже сданы заказы на отдельные части памятника: бронзовые работы – бронзо-литейному заводу К.Ф. Верфель, гранитные работы – Акционерному обществу Гранит, устройство фундамента – костромскому подрядчику М.С. Трофимову. Начаты были уже земляные работы на соборной площади, устроен «тепльак для зимней кладки».

Как же должен был выглядеть Памятник? Вот как он был описан в пояснительной записке: «Памятник представляет собой грандиозный постамент высотой 17 сажень, по уступам которого расположены фигуры венценосных вождей царствующего Дома Романовых. Сквозная верхняя часть постамента заканчивается шатровым покрытием с украшением в стиле 17 столетия. Все сооружение завершается двуглавым орлом.

---

³³ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 1, л. 1.

³⁴ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 11, л. 34.

³⁵ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 1, л. 3.

Постамент и скульптурные группы царей и императоров окружены внизу памятника барельефными группами народностей, присоединенных за истекшее 300-летие в Российской империи.

Памятник имеет два главных фасада (...) Первая группа – изображение родоначальника династии – царя и великого князя Михаила Федоровича, сопровождаемого патриархом Филаретом и великой инокиней Марфой Иоанновной – и обращена к открытой стороне площади, видимой за несколько верст с плеса реки Волги. Царь Михаил Федорович восседает на Царском месте, по сторонам которого внизу поставлены фигуры вождей русского ополчения – кн. Пожарского и гражданина К. Минина. У подножия Царского места изображен (...) костромской крестьянин Иван Сусанин, осеняемый аллегорической фигурой России.

На противоположной стороне, обращенной к сквозной аллее городского сада, изображен в горельефе ныне благополучно царствующий государь император, восседающий на троне и повествующий наследнику цесаревичу по разложенной на его коленях карте Российской империи.

Фигуры державных вождей из Дома Романовых, числом 16 начинаются с царя Алексея Михайловича, изображенного держащим Уложение 1648 г. и беседующим с костромским вотчинником боярином Б. Морозовым. Далее виден царь Федор Алексеевич, у ног которого лежат пылающие разрядные книги. Рядом, сидящей, изображена царица София и царь Иоанн Алексеевич. Затем, на фоне морского вида с обрисовывающимся вдали кораблем выступает мощная фигура Петра Великого. По сторонам у подножия стоят его сотрудники в деле реформ и войны – Феофан Прокопович и костромской вотчинник фельдмаршал Б.П. Шереметьев. Далее, императрица Екатерина I передает императору Петру II акт о престолонаследии. На одном с ними уровне изображена императрица Анна Иоанновна. Между этими двумя группами на возвышении – императрица Елизавета Петровна, у ног которой эмблемы учрежденных при ней Академии

художеств и Императорского Московского университета. Перечисленные фигуры занимают уступы нижнего пояса постамента.

На верхней части памятника возвышается величественная фигура императрицы Екатерины II, рядом с ней Петр III, затем император Павел Петрович, Александр I (изображен на фоне Кремлевских стен), Николай I, Александр II (держит акт об освобождении крестьян от крепостной зависимости).

Нижняя часть постамента украшена барельефами, изображающими предсказания пр. Геннадием Костромским о возвышении Дома Романовых, призвание Михаила Феодоровича на царство и освобождение крестьян от крепостной зависимости, затем Полтавскую баталию, Бородинскую битву и осаду Севастополя.

Рука Михаила Феодоровича лежит на современной ему географической карте, на которой нанесены немногочисленные области, входившие в состав Московского государства в 1613 г. Царствующий император был изображен обучающим наследника по географической карте России начала XX века.

Фундамент памятника – бетонный. (...)»³⁶

В ноябре 1912 г. Шиловский послал из Петербурга телеграмму с такими словами: «(...) Адамсон лепит Россию. Работа превосходна»³⁷. 4 декабря он же: «Рисунки памятника высочайше утверждены, дело закончено, ведите энергично постройку»³⁸.

Адамсон также посылал телеграммы в Кострому. 28 декабря он пишет: «Лепка группы не раньше 10 января может быть готова, 12 вышлю фотографии. Работаю усиленно, каждый день до 11 часов вечера. Больше было бы в ущерб дальнейших работ. После группы могу начать Вами назначенную фигуру»³⁹.

Мечтой скульптора была работа над портретом Николая II с натуры, хотя бы несколько сеансов. Но разрешения этому не последовало.

³⁶ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 161–162.

³⁷ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 164.

³⁸ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 168.

³⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 174.

В январе 1913 г. Костромскую губернию возглавил Пётр Петрович Стремоухов, но Шиловский, уже будучи Олонецким губернатором, не оставлял забот о сооружении памятника. Он остался членом комитета по строительству памятника от Костромской губернской ученой архивной комиссии. Смета расходов на строительство памятника, представленная им была составлена на сумму более чем 400 тысяч рублей⁴⁰.

В мае 1913 г. Кострома лихорадочно готовилась к приему Высочайших гостей. За неделю до их приезда члены Особого комитета решили, что «ко времени торжественной закладки памятника в присутствии высочайших особ необходимо спешно устроить от Святых ворот Успенского собора до памятника деревянный помост с палаткой на нем и с площадкой для совершения молебствия, (...) помост и площадку надо покрыть красным сукном».хлопоты о получении нужного количества сукна в прокат не увенчались успехом, его пришлось купить. Для церемонии торжественной закладки были приготовлены: серебряный молоток и лопатка, выписанные из столицы (стоимостью 180 рублей), 40 мраморных кирпичиков с именной гравировкой для их императорских величеств, лиц императорской фамилии, архиепископа Костромского и Галичского, костромского губернатора (на сумму 600 рублей), мраморная плита для покрытия кирпичиков, металлическая доска с выгравированным текстом. Для входа на место закладки был устроен деревянный мостик. Все было украшено флажками. Работы по планировке площади и укрепления откосов выполнили 140 солдат пехотного батальона, получившие на пищевое довольствие 140 рублей.⁴¹

Возле места закладки памятника была построена пятиэтажная деревянная трибуна для публики высотой почти в 2 сажени⁴². Несколько мест на ней были выделены для операторов биоскопов, снимающих происходящее на «кинематографические ленты». Срочное сообщение о необходимости проведения личных переговоров было направлено 7 мая 1913 г. из Костромы

---

⁴⁰ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 187.

⁴¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 11, л. 50.

⁴² 1 сажень равна 1,13 метра.

в Москву на Тверскую улицу в дом Саватьевского подворья в фирму «Патефон»⁴³. 10 мая из московской компании «Патефильм» пришла телеграмма о желании присутствовать при закладке⁴⁴.

17 мая 1913 г. городской голова В.А. Шевалдышев уведомил господ гласных и выборных лиц городского общественного управления, что они будут удостоены представления их императорским величествам, в том числе, 19 мая в 10 часов 30 минут утра при закладке памятника. Для совместной поездки туда они должны были собраться за час в здании городской управы и по прибытии ожидать в городском павильоне. Служащие должны были надеть белый китель при шпаге и орденах, неслужащие – фрак или черный сюртук при белом галстуке⁴⁵.

18 мая 1913 г. в газете Поволжский вестник было опубликовано объявление: «Лица, уплатившие деньги за места на трибуне у места закладки памятника благоволят немедленно сегодня же получить из Костромской городской управы билеты на места, для чего необходимо представить выданные городской управой в получении денег квитанции»⁴⁶.

На трибуну возле места закладки памятника получили Трофимов Михаил Семенович (Кострома), потомственная почетная гражданка Третьякова Наталья Саввовна, Мамонтова Зинаида Саввовна (Москва), потомственный почетный гражданин Третьяков Михаил Иванович (Судиславль), советник коммерции Сидоров Мефодий Сосипатрович (с. Яковлевское Нерехтского у.) и другие⁴⁷. Каждый из упомянутых людей примечателен и известен в костромской истории.

Утром 20 мая к месту закладки памятника стали прибывать представители воинских частей: взвод дворцовых гренадер, 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка, 183-го пехотного Пултусского полка, взвод Костромской конвойной команды и сотня Кизляно-Гребенского

---

⁴³ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573 а, л. 62.

⁴⁴ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573 а, л. 85.

⁴⁵ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573 а, л. 144.

⁴⁶ ГАКО, ф. 207, оп. 1, д. 573 а, л. 134.

⁴⁷ ГАКО, ф. 755, оп. 1, д. 8.

казачьего полка. Войска расположились возле места закладки памятника: тылом к рядам и фронтом – к памятнику и собору. На правом фланге общего построения построились дворцовые гренадеры, первый взвод Эриванского полка (второй взвод разместился в резервной колонне), далее полковые команды. Затем линия войск ломалась под прямым углом и следовала вдоль линии городского бульвара. Здесь в одну линию в порядке номеров, лицом к памятнику и тылом к саду были поставлены остальные батальоны Эриванского полка. Затем линия построения вновь ломалась под прямым углом и следовала в направлении Ильинской улицы. Здесь начинался правый фланг Пултусского полка, три батальона которого были построены лицом к собору, тылом к саду. Четвертый батальон пултусцев разместился вдоль противоположной стороны площади, тылом к соборной ограде и лицом к городскому саду. Левее были выстроены полковые команды (пулеметная, связи и нестроевая рота). Еще далее – взвод конвойной команды, левый фланг которого подходил к средним воротам соборной ограды. Против соборных ворот развернутым фронтом стояла сотня казачьего полка.

Утром 20 мая в Кафедральном Успенском соборе было отслужено молебствие, после которого император с крестным ходом направился к месту закладки памятника. При приближении процессии войска взяли «на караул», оркестр играл «Коль славен». У будущего памятника вновь отслужили молебствие. Во время закладки с противоположного берега Волги гремел артиллерийский орудийный салют. Затем Николай II проследовал в специально выстроенный на обрыве к Волге павильон, где оставался 15–20 минут. В это время войска успели перестроиться для прохождения церемониальным маршем⁴⁸.

Этот день для памятника 300-летия царствования Дома Романовых был самым торжественным. Другим мог бы стать день его открытия, но его не случилось.

---

⁴⁸ ГАКО, ф. 133, оп.40, д. 211, л.189–190.

Тем не менее, работы над памятником продолжались и после весенних празднеств 1913 г.

Еще в декабре 1912 г. Особый комитет принял у Адамсона готовые фигуры России и Сусанина и просил скульптора приступить к лепке фигур Михаила Федоровича, а затем Минина и Пожарского⁴⁹. 5 февраля 1913 г. академик Адамсон телеграммой просил прислать кого-либо из членов комитета «для осмотра и приема статуи царя Михаила Федоровича (...) в глине»⁵⁰. Спустя несколько дней, не дождавшись ответа, Адамсон пишет новую телеграмму, в которой заявляет, что приступает к окончательной отделке скульптуры. Это послание, видимо, вызвало неудовольствие костромского губернатора, уточнившего срок приезда комиссии и напомнившего текст контракта⁵¹. Впоследствии между Особым комитетом и скульптором недоразумения возникнут еще не раз.

В конце июня 1913 г. комиссия приняла фигуру Михаила Федоровича, и просила изменить черты лица скульптуры, изображающей Минина⁵².

В октябре 1913 г. был принят патриарх Филарет. В отношении других скульптур Стремоухов писал Адамсону: «Фигуру князя Пожарского просить художника Адамсона несколько изменить, прося придать ему выражение большей энергии и мужества. Фигуру иноки Марфы изменить в лице, приблизив его к имеющемуся портрету, (...) а также изменить головной убор и, по возможности, уменьшить рост»⁵³.

Медлительность комитета раздражала скульптора. 24 октября 1913 г. из Петербурга в Кострому пришла телеграмма: «Не откажите в любезности немедленно сообщить, почему до сих пор не имею ответа от комитета о приеме. Договорный срок уже миновал, потерял много времени и статуи начинают трескаться, вся работа портиться, из-за этого должен буду

---

⁴⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 7.

⁵⁰ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 9.

⁵¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 11.

⁵² ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 24.

⁵³ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 25.

вторично много лепить (...)»⁵⁴. 30 того же месяца: «Формовку их откладывать ни под каким видом нельзя, статуи начали сильно трескаться и угрожают полностью разрушиться, (...) откладывая всякую ответственность от себя»⁵⁵.

В ноябре 1913 г. из Костромы в фирму Верфель, располагавшуюся на Невском проспекте г. Петербурга была направлена телеграмма с вопросом приняты ли от Адамсона фигуры Филарета, Марфы и Пожарского?⁵⁶

В ноябре того же года из Костромы Адамсону было отправлено 25000 рублей.

В декабре Аммон Иванович вновь напоминает комитету о том, что нужно принять решение о статуе инокини Марфы.

Зимой 1914 г. возникло новое препятствие. Адамсон жалуется, что в его мастерской 5 градусов мороза, поэтому он «не мог работать и должен был подчиниться форс-мажору». К февралю в мастерской поставили две печи и работы были возобновлены⁵⁷. Тогда же телеграммой скульптор спрашивает о результате обсуждения комитетом «относительно Чижова». Планировалось, что его фигура будет среди других на памятнике⁵⁸.

Вступление России в I Мировую войну еще более осложнило положение. Адамсон не успевал выполнять работы по контракту, комитет отказывал ему в полной оплате. 18 июля 1914 г. в письме своему многолетнему костромскому корреспонденту чиновнику особых поручений при костромском губернаторе Николаю Федоровичу Каллю скульптор сообщал: «(...) Я к осени действительно не буду в силах доставить все 9 статуй на получение установленной суммы в 25 0000 рублей. (...) Оценивать каждую статую и назначая за каждую известную [сумму] не совсем удобно для меня. В настоящее время почти никаких наличных сумм в руках, и до осени еще долго ожидать. То, что имею, это процентные бумаги, которые

---

⁵⁴ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 26.

⁵⁵ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 28.

⁵⁶ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 218.

⁵⁷ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 34.

⁵⁸ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 46а.

теперь все невозможно упали, и главное, еще такие, которые несчастным образом уже давно проценты не платят (...). Так то, что у меня на текущем счету было, уже исчерпано, а тем более теперь, в эти наступающие тяжелые времена все дороже и дороже все станет – особенно рабочие мои постоянно требуют прибавки жалованья, с угрозой, в противном случае уходим. А что же тогда с нашей работой будет? Вот о чем я прошу комитета: мне выслать ежемесячно по 700 рублей до 15 ноября, или же выслать одновременно в ноябре составляющую сумму в 2800 руб. (...) Теперь у меня в работе две статуи Николая I и Екатерины II. Для Николая я получил исторические материалы из Аничкова дворца, все подлинники: кирас, каска, шинель, рейтузы и сапоги. А Екатерину, кажется, найду в артиллерийском музее. Я член Военно-исторического общества, так что мне все легче добыть. Как бы не было тяжело и страшно время, я не забуду своего долга, и буду работать не отрываясь до конца. А деточки мои шлют Вам нежный детский привет (...). Ваш А. Адамсон»⁵⁹.

Забегая вперед заметим, что лишь в апреле 1915 г. гипсовая статуя Николая I была передана для отливки из бронзы на фирму Верфель⁶⁰. Просимую сумму академик получил в том же июле.

В августе 1914 г. Адамсон сообщил о трудностях на фирме Верфель: «Многие заводы действительно должны были прекратить свою деятельность из-за неимения достаточного оборотного капитала, но на заводе Верфеля еще не так страшно, здесь только может быть речь о роспуске гранильных рабочих»⁶¹. Чуть позже он сообщает, что надеется до осени отлить 3 фигуры. О войне он пишет: «Проклятье ему, Вильгельму II, и всей его орде разбойников!!! Мы должны их уничтожить до последнего»⁶².

В ноябре 1914 г. Аммон Иванович сообщил о скорой готовности скульптуры Александра I. Он надеялся до конца года завершить

⁵⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 47–49 а.

⁶⁰ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 9, л. 20.

⁶¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 55.

⁶² ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 57 об.

изготовление пяти статуй⁶³, но всерьез был озабочен отсутствием средств, и просил комитет выплатить за уже исполненные фигуры по 3000 рублей за 8 фигур и за 9-ю – тысячу. Адамсон переживал из-за призыва на военную службу опытных рабочих, специалистов по литью и формовке. На документе, адресованном председателю Особого комитета (П.П. Стремоухову) помета: «не удовлетворять»⁶⁴.

В декабре 1914 г. художник сообщает о том, что им закончена работа над скульптурой императора Александра II, далее он исполнит фигуры Петра III, Павла I и другие. Беспокойство мастера вызывало промедление фирмы Верфель с отливкой, что могло вызвать деформацию гипсовых скульптур. С некоторым раздражением Аммон Иванович пишет в Кострому: «Не торопите меня с работою, и не связывайте меня с определенными сроками, (...) ибо это может служить помехой в моей спокойной творческой работе, которая не укладывается в обыденные рамки ремесла»⁶⁵.

К сожалению, между скульптором и комитетом все больше возникало непонимания. На просьбы поторопить администрацию фирмы Верфель, костромичи напоминают Адамсону, что именно он порекомендовал эту фирму и до последнего времени ручался за аккуратное исполнение ими работ. В фирме произошли кадровые изменения, после смерти А.И. Мейера руководство перешло в другие руки.

К январю 1915 г. Костромскую губернию возглавил А.П. Мякинин, который стал председателем Особого комитета. В марте 1915 г. комитетом была одобрена скульптура Александра II. Следующим этапом стала работа Адамсона над статуей Петра III, орлом и короной.

К маю 1915 г. из 26 фигур, которые должны были составлять Памятник, изготовлена была лишь половина. «Ввиду этого у Комитета создалось достаточно оснований опасаться, что принятые Вами на себя работы не будут окончены даже к тому последнему сроку, на который

---

⁶³ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 61 об.–62.

⁶⁴ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 65.

⁶⁵ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 67.

Комитет может согласиться – к 15 мая 1916 г., так как по условиям с фирмой Верфель Вы обязаны представить ей для отливки все фигуры и барельефы за 6 месяцев до окончательного представления ею своих работ, а затем нужно еще не менее 6 месяцев для окончательной отделки памятника на месте, отсрочивать же долее 15 мая 1917 г. открытие памятника Комитет никоим образом не находит возможным», – писал А.П. Мякинин⁶⁶. Адамсон в это время находился в Крыму оправдывая свою поездку необходимостью отдыха и лечения правой руки и плеча, «которые пострадали при исправлении статуи Петра III»⁶⁷. В сентябре того же года была вылеплена фигура императора Павла, в ноябре – Петра Великого.

Осенью 1915 г. Адамсон вновь заболел и до февраля следующего года не мог работать. В письме костромскому губернатору он обращает внимание на то, «что болезнь нажита лишь на почве усиленной мышечной работы по сооружению памятника»⁶⁸. Тогда же он приступил к изготовлению скульптурной группы царевича Иоанна Алексеевича и царевны Софьи. По завершении этой работы скульптуры были приняты бывшим костромским губернатором, продолжавшим оставаться членом Комитета, Шиловским. Из-за несвоевременного перевода денег фигуры не были вовремя отлиты из бронзы, при этом, изготовленные формы были повреждены, о чем, сердясь, в марте 1916 г. заявляет Адамсон. Той же телеграммой просит принять готовую статую Феофана Прокоповича⁶⁹. Затем следовали статуи Елизаветы Петровны, графа Шереметева, Феодора Алексеевича. И вновь – задержка денег.

Помимо всего, с начала 1916 г. работы по отливке моделей из бронзы на заводе Верфель были прекращены. В декабре этого года в формовочной мастерской обвалилась часть потолка, повредив модель статуи Шереметева. Речь о том, чтобы закончить памятник к маю 1917 г. уже не шла. Адамсон планировал изготовить все модели к осени 1917. И если бы деятельность

⁶⁶ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 86.

⁶⁷ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 90.

⁶⁸ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 113.

⁶⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 119.

завода целиком направлялась на отливку фигур памятника, была бы надежда увидеть его в середине 1918 г.⁷⁰

Средств, запланированных на расходы по изготовлению памятника, не хватало. Стоимость сооружения его с каждым годом возрастала. В 1915 г. Николай II утвердил передачу денег, оставшихся от сумм, собранных на сооружение в Москве памятника Александру III в сумме более 64 тысяч руб., в распоряжение костромского Особого комитета⁷¹.

В августе 1916 г. академик Адамсон обратился с прошением непосредственно к императору о выделении ему дополнительных средств в сумме 50 тысяч рублей в связи с условиями военного времени и возросшими ценами. «Общее вздорожание всего, начиная с материалов и кончая рабочих рук, делает для меня невозможным исполнить на прежних условиях принятые на себя обязательства. Более половины всей работы окончена и принята комитетом по сооружению памятника, и мне необходимо еще изготовить 7 больших статуй, группу ныне благополучно царствующего государя императора с наследником цесаревичем, сени, 12 сажень барельефов, ряд эмблем, гербов, орнаментов и прочих украшений и за все это мне остается получить от Комитета около 47 тысяч рублей. К сожалению, я лишен возможности окончить за такую, сравнительно небольшую сумму весь памятник»⁷².

На запрос Канцелярии его императорского величества председатель Особого комитета костромской губернатор Иван Владимирович Хозиков в сентябре 1916 г. отвечал: «С начала скульптурных работ до настоящего времени академиком Адамсоном исполнено 20 статуй, остается исполнить еще 6 статуй, (...). По условию Адамсон должен был окончить работу всех статуй еще к 15 ноября 1915 г. В течение последних двух лет комитет не раз просил академика Адамсона принять все зависящие от него меры к скорейшему окончанию работ (...), тем более, что комитетом в это время

---

⁷⁰ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 139.

⁷¹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 2, л. 231.

⁷² ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 146.

были получены сведения, что Адамсон занят исполнением частных работ (...). До настоящего времени ни фирма Верфель, ни фирма «Гранит», ни подрядчик бетонных работ не обращались в комитет с ходатайствами о какой-либо добавочной сумме против договора из-за всеми ощущаемой дороговизны»⁷³. Вывод был таков – доплатить скульптору возможности нет.

Доставка и установка гранита, за небольшим исключением, была закончена к октябрю 1915 г.⁷⁴ Доработка пьедестала тормозилась отсутствием железного шатра, который должен был быть заложен в бетонную кладку. Переписка с фирмой Верфель о необходимости скорейшего его завершения продолжалась еще летом 1916 г. Общество же Гранит в 1917 г. просила произвести скорейший окончательный расчет, «так как убытки по курсу рубля весьма велики и с каждого дня увеличиваются»⁷⁵.

После Февральской революции 1917 г. было принято решение прекратить работы над памятником.

В апреле 1917 г. Адамсон обратился в Костромской комитет по сооружению Романовского памятника (так он назван в документе) с отчаянным письмом: «(...) Развернувшиеся в феврале события отстранили всю возможность и допустимость постановки памятника бывшей династии. Согласно телеграмме Комитета я приостановил работы, но передо мною ныне стали открытыми два вопроса, по коим я имею честь обратиться с настоящим заявлением: 1) Прервание по вине исторических событий моей громадной работы, каковая принудила меня последние годы отстранять от себя другие лестные мне предложения, поставило меня внезапно перед перспективой абсолютной безработицы и абсолютного неимения средств к жизни. 2) Сделанная мною работа (...) династического отношения, имеет, я смею думать, и некоторый художественный интерес и простое уничтожение ее было бы все же актом высоко оскорбительным для меня лично и вообще для всех деятелей на поприще художеств. (...) Я полагал бы справедливым:

---

⁷³ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 145.

⁷⁴ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 7, л. 100.

⁷⁵ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 7, л. 112

1) в виде неустойки за прерванную не по моей вине работу выдать мне 50 000 рублей из сумм комитета и 2) работы мною сделанные, в металле и алебастре, хранить в каком-либо соответствующем месте по указанию Временного Правительства (...)»⁷⁶. На письме Адамсона нет никаких резолюций. Позднее было еще несколько обращений поверенного скульптора о назначении ему денежного пособия.

В сентябре 1917 г. поверенный администрации К.Ф. Верфеля С.С. Маргулис потребовал от костромского губернского комиссара оплатить выполненные работы с учетом роста цен. При это часть долга предлагалось погасить бронзой – после отливки фигур осталось 3000 пудов – по цене 29 руб. 50 коп. за пуд⁷⁷. Тогда же Петр Петрович Шиловский писал костромскому губерньскому комиссару о необходимости решить судьбу оставшейся бронзы незамедлительно: «Производящаяся эвакуация поставила весьма остро вопрос об участии медной бронзы (...), предназначавшейся на исполнение памятника в Костроме, ныне хранящейся в мастерской академика Адамсона на Обводном канале. Вывести это количество из Петрограда вряд ли удалось костромскому комитету, а оставить столь большую военную ценность на возможность быть присвоенной немцами в случае занятия ими Петрограда было бы преступно. Изложенные соображения и отъезд академика Адамсона, находящегося где-то на юге России, побудили меня напомнить Вам, милостивый государь, и костромскому комитету (если таковой еще существует) о необходимости теперь же (...) ликвидировать это большое количество металла, ненужного более комитету, а военному делу весьма ценного. (...) Как член бывшего комитета высказываю свое определенное мнение: необходимо немедленно (...) продать бронзу. Полагал бы, что в первую очередь должна быть сдана часть металла в бронзовых пушках, затем и металл в изваяниях, если бы академику Адамсону не удалось их эвакуировать, как предметы искусства»⁷⁸.

---

⁷⁶ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 160

⁷⁷ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 151–152.

⁷⁸ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 10, л. 19–20.

В ноябре 1917 г. бронза была продана Товариществу «Трэд»⁷⁹.

К 10-й годовщине Октябрьской Социалистической революции на пьедестале была установлена фигура «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина. Для этого постамент был несколько изменен.

Так, с 1927 г. место представителей династии Романовых занято статуей того, кто приложил немало усилий к их уничтожению.

2013 г.

---

⁷⁹ ГАКО, ф. 175, оп.1, д. 20, л. 156.